

Свирида Надежда Николаевна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРОШЛОГО КАК КОМПОНЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена культурно-философскому осмыслению роли художественно-образного компонента в структуре исторического сознания. Привлекая конкретный материал, касающийся отдельных жанров фольклора и искусства, автор показывает, что различные формы художественного отражения прошлого влияют на понимание и интерпретацию исторических событий, позволяют глубже осмыслить особенности исторического сознания эпохи, имеют большое значение в определении круга вопросов, требующих научного изучения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 160-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

использование «негативной» оговорки о публичном порядке подразумевает, что «речь идет не о совокупности “незыблемых” норм местного права, а о таких свойствах иностранного закона, которые делают этот закон неприменимым, несмотря на отсылку к нему отечественной коллизионной нормы» [5].

Таким образом, публичные отношения в сфере взаимодействия законодательных и исполнительных органов государственной власти являются предметом правового регулирования конституционного коллизионного права. Многие конституционные акты в рамках правовой системы России нуждаются в проработке на предмет конструирования коллизионных норм.

Список литературы

1. **Баглай М. В.** Конституционное право Российской Федерации. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 31 с.
2. **Баймахов М. Т.** Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата: Наука, 1972. 358 с.
3. **Кудрявцев В. Н.** Юридическая конфликтология. М., 1997. 316 с.
4. **Матузов Н. И.** Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225-244.
5. **Плевако Ю. С.** Особенности применения коллизионных норм в международном частном праве [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=30&ved=0CEsQFjAJOBqFQoTCKjgoYv8gsgCFYHwLAodXzcA0Q&url=http%3A%2F%2Fconf.sfu-kras.ru%2Fsites%2Fm2014%2Fpdf%2Fd01%2Fs07%2Fs07_098.pdf&usq=AFQjCNHOMtITwLvcrMdif5Hpb0Y6H-90A&bvm=bv.103073922,d.bGg (дата обращения: 19.09.2015).
6. **Тихомиров Ю. А.** Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. 140 с.

PECULIARITIES OF COLLISIONS IN RUSSIAN LAW

Saribekyan Stepan Norikovich

*Moscow State University of Mechanical Engineering
0601991@mail.ru*

The article examines the peculiarities of collisions in Russian law. The researcher substantiates the topicality of the chosen theme. The object of the study is the norms of Russian law in the framework of examining their collision component. Such problems as the causes of collisions appearance, the correlation of legal collisions with legal competition and juridical conflict are considered. The author's contribution is conditioned by the development of practical recommendations to solve the collisions between the norms of Russian law and the norms of international law including due to the introduction of the principle *ordre public* into the national system.

Key words and phrases: legal collisions; collision character of objective law; positiveness of collisions; competition; juridical conflict; *ordre public*.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена культурно-философскому осмыслению роли художественно-образного компонента в структуре исторического сознания. Привлекая конкретный материал, касающийся отдельных жанров фольклора и искусства, автор показывает, что различные формы художественного отражения прошлого влияют на понимание и интерпретацию исторических событий, позволяют глубже осмыслить особенности исторического сознания эпохи, имеют большое значение в определении круга вопросов, требующих научного изучения.

Ключевые слова и фразы: историческое сознание; прошлое; фольклор; исторические предания; искусство; художественная культура; художественная литература; публицистика.

Свирида Надежда Николаевна, к. филос. н., доцент
*Сургутский государственный педагогический университет
nadSvirida@yandex.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ПРОШЛОГО КАК КОМПОНЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ®

Историческое сознание является важной культурной универсалией, это не только отражение, познание, осмысление, интерпретация, постижение человеческой истории как процесса, протекающего во времени, но и оценка прошлого, дающая социальному субъекту необходимую ориентацию в мире исторических явлений. Поэтому существование на протяжении истории различных форм духовного освоения прошлого является свидетельством социокультурной значимости исторического сознания. Важными формами исторического сознания являются те, посредством которых осуществляется художественно-образное воспроизведение исторического процесса, т.е. фольклор и некоторые жанры искусства. Целесообразность обращения к художественно-образному компоненту исторического сознания обусловлена значимостью художественно-символических

форм культуры, способных повлиять на исторические представления социального субъекта, а также тенденциями фальсификации прошлого художественными средствами. Поэтому и сегодня ведется поиск точек опоры исторического сознания в фольклоре, в художественном наследии, включая его древние пласты.

Отметим, что в философских исследованиях существуют разные подходы к вычленению структуры исторического сознания [7]. В большинстве случаев исследователи выделяют три формы исторического сознания: фольклор, искусство, науку. Историческое сознание «впитывает в себя все то, что дают фольклор и искусство и поднимает историческое мышление на уровень высокого теоретического обобщения и объяснения» [6, с. 20]. Фольклор и искусство по своему содержанию и форме могут рассматриваться как единый компонент исторического сознания, – считает Н. П. Французова [10, с. 9]. Учитывая глубину и сложность данного вопроса, выделим отдельные жанры фольклора и искусства как средства отражения и воспроизведения прошлого.

Исследуя место фольклора в структуре исторического сознания, А. Х. Самиев отмечает: «Фольклор содержит в себе зафиксированные в народной памяти в течение многих поколений систематизированные сведения о прошлом народа, комплексе знаний, четко передающихся из поколения в поколение» [6, с. 20]. Можно выделить элементы фольклорного жанра, направленные на удовлетворение познавательных потребностей субъекта (эпос, былины, исторические песни, устные и письменные предания), патриотический пафос, высокая художественность которых и сегодня привлекают исследователей. Несмотря на то, что «подлинные факты здесь перемешаны с вымыслом, акценты зачастую сдвинуты» [2, с. 285], в каждом из этих жанров историческая тема звучит по-своему и с разной долей историзма. Например, в русской фольклористике важное место занимают исторические предания. Так, ранние исторические предания можно разделить на следующие направления: сложившиеся на основе мифологических сюжетов (о победе над змеем и т.д.); о происхождении восточных славянских племен и укреплении государственности; о борьбе с внешним врагом.

В дальнейшем создавались предания с новыми сюжетами и образами, которые «неоднократно подчеркивали свою достоверность, что подтверждается их соотношением с реальной историей» [1, с. 136]. Центром, вокруг которого группируются исторические предания, служит историческое лицо. Наиболее крупные циклы поздних исторических преданий связаны с именами И. Сусанина, Ермака, С. Разина, Е. Пугачева. Исторические предания служили делу становления народности и ее сплочения. Они, как и другие жанры фольклористики, содержат в себе коллективную историческую традицию. Здесь неограниченно властвует архетип (первообраз). Но независимо от истоков фольклорных сюжетов и от таланта творца эпических произведений «память об исторических событиях и подлинных персонажах меняется по истечении двух-трех столетий так, чтобы их можно было подвести под шаблон архаического способа мышления, неспособного к восприятию **индивидуального** и удерживающего (в памяти) лишь **образцовое**» [12, с. 52]. Скажем, в былине, посвященной бедствиям наполеоновского нашествия 1812 г., забыто название Бородино, а над всем возвышается только фигура народного героя – М. И. Кутузова [Там же, с. 53]. М. Элиаде доказывает, что коллективная память внеисторична, так как она не способна хранить «исторические события и лица», преобразуя их в архетип. В нашем представлении, эпический мир – это форма существования определенной исторической эпохи в сознании народа. Исторический смысл имела та информация о прошлом, в которой содержалась идея непрерывности существования социальной общности во времени, которая не теряла своей актуальности для современников.

Таким образом, жанры фольклора, которые отражают историческую действительность, включают в себя опыт людей и знание истории в различные исторические эпохи; позволяют восстановить социально-бытовые картины различных эпох; выступают как важный источник информации о жизни прошлых поколений и как средство воспитательного и эстетического воздействия на современников. Значит, фольклор дает каждому новому поколению представление об истории своего этноса, тем самым формирует его историческое сознание. Отметим, что существование в народном творчестве исторической тематики свидетельствует о наличии стихийно оформленного исторического сознания. Но «для того чтобы историческое сознание заняло подобающее ему место в духовной жизни общества нужны иные формы социальной памяти, чем устная традиция. Таковыми являются искусство и наука», – утверждает А. В. Гулыга [2, с. 285].

Другим необходимым компонентом исторического сознания называют искусство в его самых разных формах. В исследованиях А. В. Гулыги, А. Я. Гуревича, В. А. Ельчанинова, М. В. Нечкиной, А. Х. Самиева и др. рассматривается вопрос о связи научного освоения действительности с искусством. Речь идет о том, что теоретическое познание прошлого дополняется в истории характерным для искусства чувственно-конкретным синтезом, в котором общее типическое выступает не отвлеченно, а в своей индивидуально-чувственной форме. По мнению М. В. Нечкиной, «литература, музыка, живопись, скульптура, театр, кино создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта. Если представить себе, что эта функция их выпала из исторического процесса, опыт одного человека ссыхается и суживается до границ его переулка» [4, с. 13]. На основе художественного отражения исторических событий и деяний происходит накопление эмоционального, этического, познавательного опыта индивида.

Художественная культура представляет исключительно богатый материал для осмысления исторического сознания. Сказанное относится к каждому виду искусства, но, пожалуй, в наибольшей мере – к искусству слова, к литературе [9, с. 8]. В художественной литературе можно выделить жанровое ответвление, представленное творчеством писателей, которые используют действительные исторические события, биографии реальных личностей прошлого, создавая при этом художественные образы. Например, историзм определяет весь строй мышления и творчества А. С. Пушкина. История России охвачена пушкинским взором в разных временных срезах. Русь древняя воспевается им в «Песне о вешем Олеге», в сказках; допетровская эпоха – в «Борисе Годунове». Трактовка образа Б. Годунова оказала огромное влияние на многие поколения читателей, войдя

в историческое сознание народа. В своих оценках Годунова Пушкин опирался на концепцию Н. М. Карамзина. Известно, что писателя неизменно привлекал образ Петра Великого, он многократно в самых разных произведениях становился их героем («Арап Петра Великого», «Полтава», «Медный всадник», «История Петра I»). В осознании личности великого реформатора и его роли в строительстве российской государственности Пушкин был критичен и конкретен. Образ Петра как «вечного работника на троне» писатель рисует в противоречивом единстве с другими качествами этого человека – с его жестокостью, нетерпеливостью, что принесло немало страданий русскому народу. Сложным синтезом науки и искусства явилась и «История Пугачева». Это именно история, строго следующая за ходом исторических событий. В результате мы можем говорить о прочной исторической основе художественных произведений Пушкина. Во время работы над темой пугачевского бунта он путешествует по Поволжью и Оренбургскому краю – «специально для того, чтобы посмотреть на Пугачева глазами самого народа, чтобы на основании рассказов очевидцев крестьянской войны, на основании песен и преданий о ней воссоздать образ Пугачева, таким, каким он отложился в памяти народной» [5, с. 448]. Историю Отечества А. С. Пушкин воспринимал и как благородный сын, и как прозорливый критик.

В философской литературе рассматривается вопрос об особенностях «исторического» и «художественного» образов в отражении прошлого. В отличие от исторического образа, который является синтезом «чувственно-наглядного и абстрактно-конкретного воспроизведения в сознании познающего исторической действительности в виде событий и лиц, достоверно засвидетельствованных источниками» [3, с. 141], художественный образ отражает действительность в обобщенной форме, «составляет эстетический аспект истины – художественную правду» [Там же, с. 157]. Нас и сегодня привлекают историко-художественные картины русской истории, представленные Н. М. Карамзиным. В «Истории государства Российского» заданный историей сюжет раскрывает человека в его широких связях с общей жизнью страны, государства, нации. Изображая не только князей, царей и бояр, но и людей из других сословий, Карамзин был верен истине. Так появились портреты и характеры сотен простых людей: воинов, казаков, монахов, «разбойников» – предводителей многочисленных бунтов и восстаний. Среди этих персонажей особое место занимают такие личности, как Ермак, Болотников и др. Их характеры раскрываются в действиях исторического и общенационального масштаба. Авторская позиция, расщепленная на два начала – аналитическое и художественное, – объединяла весь вводимый в историю материал, дополняла его развернутыми психологическими характеристиками исторических деятелей или размышлениями о царях-тиранах, о добродетелях народа и т.д. Н. М. Карамзин выступал как историк и как художник, его сочинения – синтез аналитического и художественного познания истории [Там же, с. 141].

С. О. Шмидт отмечает, что «Клио издавна относили к сонму муз... задача и историка, и писателя показать, **как было на самом деле и так**, чтобы ему поверили» [11, с. 44]. История едина, но ощущать ее можно по-разному. Следует отметить, что исторические романы, повести, мемуары интересны современникам субъективным взглядом автора, отражающим его мировоззренческую позицию в художественной форме. В частности, мемуары (воспоминания, дневники и т.д.) являются формой запечатления личного участия в исторической жизни; овеществленной исторической памятью; одним из средств духовной преемственности поколений; показателем сознательного отношения к своему прошлому; информацией об исторических событиях и личности самого автора.

В состав художественно-образного компонента мы включаем и историческую публицистику, которую зачастую неосновательно оставляют за рамками исторического сознания. Она имеет большое значение как в формировании массового исторического сознания, так и в определении круга вопросов, требующих научного изучения. Вспомним об огромном влиянии исторической публицистики на духовную жизнь России XIX в., включая и формирование отношения к прошлому, воспитание ответственности, чувства национальной гордости.

Яркие публицистические произведения, отразившие важнейшие события XX в., создали К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, А. И. Солженицын и др. Так, А. И. Солженицын, обращаясь к проблеме демократии, прослеживает традицию «демократии малых пространств», которая веками существовала в России (деревенский мир, городские веча, казачье самоуправление, земство) и ее значимость в общественно-политической жизни общества [8].

Одной из особенностей исторического сознания на нынешнем этапе российской истории является широкое распространение публицистических, научно-популярных форм ее освещения. Публицистическое рассмотрение имеет значение в определении круга вопросов, требующих научного изучения, в формировании исторического сознания и повышении его мировоззренческой роли. Однако даже самое широкое публицистическое освещение прошлого не заменяет необходимости его глубокого научного исследования.

В целом различные жанры искусства являются важным источником ознакомления с прошлым, активизируют живой интерес к истории; выражают ценностные идеалы определенных эпох; хранят, накапливают и транслируют от поколения к поколению нравственные, эстетические и социальные ценности; имеют большой информационно-познавательный, эстетический и культурно-воспитательный потенциал.

Подводя итог, отметим, что художественное осмысление действительности обогащает историческое сознание субъекта, способствует осознанию связи времен, пониманию своей роли, места в истории.

Список литературы

1. Андреев А. Л. Историческое самосознание. Теория. История. Практика. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 280 с.
2. Гульга А. В. Уроки классики и современность. М.: Художественная литература, 1990. 382 с.
3. Ельчанинов В. А. Методологический анализ проблемы отношения исторической науки к искусству. Барнаул, 1979. 221 с.
4. Нечкина М. В. Загадка художественного образа. М., 1972. 32 с.
5. Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М., 2003. 448 с.

6. Самиев А. Х. Генезис и развитие исторического сознания. Душанбе, 1986. 162 с.
7. Скепкина А. К. К вопросу о структуре исторического сознания – историографический обзор // Философские дескрипты: сборник статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 4. С. 229-233.
8. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия по истории российского общественного мышления XIX-XX вв. М.: Корпорация «Логос», 1997. С. 696-700.
9. Тимофеева В. Г. История русской мысли и русская литература. Воронеж, 1995. 280 с.
10. Французова Н. П. Историческое сознание и его структура // Историзм и творчество / отв. ред. А. Н. Лоцилин и др. М., 1990. С. 6-15.
11. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2003. № 1. С. 40-49.
12. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

ARTISTIC FORMS OF THE PAST REFLECTION AS A COMPONENT OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Svirida Nadezhda Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Surgut State Pedagogical University
nadSvirida@yandex.ru

The article is devoted to the cultural and philosophical comprehension of the role of an artistic-figurative component in the structure of historical consciousness. Using specific material relating to the concrete genres of folklore and art the author shows that various forms of the artistic reflection of the past influence the understanding and interpretation of historical events, allow comprehending deeper the peculiarities of the historical consciousness of the era, and they are of great importance in identifying the range of the issues that require scientific research.

Key words and phrases: historical consciousness; the past; folklore; historical legends; art; artistic culture; fiction; social and political journalism.

УДК 1:101.1; 101.2

Философские науки

В статье анализируется контрмодерн в качестве варианта глобального исторического проекта, противопоставляющего себя проекту модерна. Разнообразные явления архаизации рассматриваются как частные явления данного проекта. Выявляется взаимосвязь между культурным «устареванием» постмодернистской идеологии и формированием контрмодернистского философского дискурса. Авторы представляют характеристики основных теоретических позиций философов-контрмодернистов.

Ключевые слова и фразы: контрмодерн; модерн; архаизация; постмодерн; традиция; прогресс; идеология; философский дискурс.

Сергодеева Елена Александровна, д. филос. н., профессор

Маслаков Станислав Валерьевич

Северо-Кавказский федеральный университет

sergodeewa@rambler.ru; raidoss@ya.ru

КОНТРОМДЕРН КАК ПРОЕКТНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АРХАИЗАЦИИ[©]

В настоящее время все более устойчивой тенденцией западной социальной мысли становится акцентуация на кризисных явлениях и нарастающих противоречиях в социокультурной сфере, которые неизбежно приведут и, по некоторым признакам, уже приводят к формированию нового глобального общественно-исторического проекта. Ситуация усугубляется тем, что постмодерн как идеология переустройства социального бытия, характерная для западного общества в конце XX – начале XXI века, во все большей степени демонстрирует свое культурное и цивилизационное «устаревание». Подвергая модерн жёсткой, эффективной и в определённой степени обоснованной критике, он не предлагает альтернативной позитивной повестки дня, более того, он отрицает саму возможность существования таковой.

«В постмодернизме объективный образ мира сменяется представлением мира в определенных социальных и лингвистических конструкциях, определяемых социальными процессами, отягощенных идеологическим выбором участников и структурой властных отношений. Знание не содержит образов реального мира, оно состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем» [9, с. 144]. В постмодернистской философии, тем самым, подлинность растворяется в симулякрах, синергетические сложные системы распадаются на ризомы, а сама попытка построения общего дискурса отвергается как заведомо тоталитарная. Поэтому постмодернизм констатирует, формулирует и, уже в своем проектном воплощении, усугубляет кризис как таковой. С этой точки зрения его можно рассматривать как кризисное мировоззрение.